

Назвав свое настоящее имя, Цинь Чжэн ждал, когда Вэнь Тинъюнь объяснит, зачем пришел. Однако оба они лишь безмолвно разглядывали друг друга. Противостояние взглядов затянулось, и в конце концов Цинь Чжэн сдался. Он первым отвел глаза и заговорил:

— Я знаю, что ты уже обо всем догадался. Раз уж я сам во всем сознался, то говори прямо, брат Вэнь: зачем ты меня искал? Может, тебе что-то от меня нужно? Или я могу чем-то помочь?

Едва договорив, Цинь Чжэн укорил себя за длинный язык.

«Ну какая от меня сейчас польза? Нищий бродяжка, перебивающийся подаянием да уличными фокусами — что я могу предложить? Вежливость вежливостью, но зарываться не стоит. Хотя бы он принял это за пустую учтивость и не воспринял всерьез».

Вэнь Тинъюнь слегка склонил голову набок и усмехнулся:

— Предлагаешь помощь, даже не спросив, кто я такой? Брат Цинь, неужели ты всегда так доверчив с незнакомцами?

Цинь Чжэн не ожидал, что человек, чье дурное имя гремит на всю Поднебесную, может стоять перед кем-то, и этот «кто-то» останется абсолютно невозмутимым. Более того, собеседник будто даже журил его за неосторожность. Такая забота казалась странной и невольно пробуждала любопытство.

— Полагаю, тебе и самому не с руки раскрывать себя, брат Вэнь, — ответил Цинь Чжэн. — Потому я и не спрашиваю. Захочешь — сам расскажешь.

Цинь Чжэн мельком взглянул на грозное оружие, лежавшее подле Вэнь Тинъюня, и продолжил:

— И все же... Школа Семи Клинков — лишь крошечный южный клан, промышляющий охраной грузов. Хотя моя сила и развеялась, я все еще способен отличить рядовую железку от истинного сокровища. Твой клинок — не для простого воина. Одно из двух: либо я настолько отстал от жизни и не знаю, что в Школе Семи Клинков выросли мастера, достойные столь грозного оружия, либо ты, брат Вэнь, к ним не имеешь никакого отношения. Я ведь угадал?

Вэнь Тинъюнь выслушал его здравые рассуждения и улыбнулся:

— Действительно, к Школе Семи Клинков я не причастен. Что еще тебе удалось заметить?

Цинь Чжэн задумчиво потер подбородок:

— Раз уж ты используешь имя их школы как ширму, значит, здешний глава либо глубоко чтит тебя, либо до дрожи боится. Тот, кто способен помыкать предводителем целого ордена, наверняка принадлежит к какому-нибудь великому клану, чье имя гремит на всю Поднебесную.

Вэнь Тинъюнь покачал головой:

— В здешних краях никто не слыхал о Вэнь Тинъюне, я — фигура безвестная. А вот твое имя, брат Цинь, и впрямь гремит повсюду.

Скажи такое кто-то другой, Цинь Чжэн счел бы это злейшей колкостью. Но Вэнь Тинъюнь совсем недавно в чайной не на жизнь, а на смерть спорил со сказителем, яростно его выгораживая. В его устах эти слова звучали удивительно искренне.

Прежде Цинь Чжэн охотно принимал похвалу, но сейчас краска смущения залила его щеки.

— Благодарю за то, что заступился за меня в чайной «Сказки, Потрясающие Стол», — неловко проговорил Цинь Чжэн. — Но ведь мы даже не знакомы. Если кто-то прознает, что ты за меня замолвил слово, у тебя будут крупные неприятности. Во всем Центральном Китае до сих пор полно тех, кто мечтает выследить меня и предать суду. Тебе не стоит...

— Не «до сих пор», а совершенно точно, — мягко перебил его Вэнь Тинъюнь. — За твою голову обещают пять тысяч лан серебра. А если притащить тебя живым — все десять тысяч. Из-за такой кучи золота толпы охотников бросили свои прежние ремесла и теперь прочесывают леса и горы, надеясь выкурить тебя из какой-нибудь глуши.

Цинь Чжэн опешил.

«Надо же, ходячее сокровище ценой в десять тысяч лан... А я-то каждый день маюсь от голода и не знаю, перепадет ли мне хоть корочка на ужин. Хорошо, что не ведал об этом раньше, а то ведь с голодухи действительно мог бы пойти и сдаться, оценив себя подороже».

— Неужто я настолько дорог? — Цинь Чжэн ошеломленно почесал затылок. — Брат Вэнь, а тебе случайно не ведомо, кто именно объявил столь щедрую награду?

Вэнь Тинъюнь перестал улыбаться.

— В Шаолине и Удане пропали священные реликвии. Поговаривают, ты сговорился с Демоническим культом и выкрал их. Праведные ордены испокон веков стоят друг за друга горой. Раз уж два столпа пошли на тебя войной, а само дело началось на Вилле Обширных Холодов, то и золото, разумеется, тайно выплачивает твое родное поместье.

Сердце Цинь Чжэна болезненно сжалось.

— Значит, это учитель объявил на меня охоту, — глухо обронил он.

— Этот подлец недостоин зваться учителем, — Вэнь Тинъюнь ядовито усмехнулся.

— Я погубил младшую сестру, зверски замучил жену наставника, украл сокровища... Моим грехам нет прощения. Учи... Глава Вэй имел полное право изрубить меня на куски перед лицом всего честного люда. То, что он сохранил мне жизнь и позволил влачить это жалкое существование — уже величайшая милость. Не он недостоин, а я. Брат Вэнь, возможно, ты слишком слепо веришь слухам? Все, что болтают в народе — чистая правда. Перед тобой стоит настоящий выродок и убийца!

Цинь Чжэн произнес эту исповедь ровным, леденящим душу тоном. С каждым его словом лицо Вэнь Тинъюня становилось все мрачнее. Стоило беглецу замолчать, как тот мертвой хваткой вцепился в его запястье, рванул к себе и резко задрал рукав.

На Вилле Обширных Холодов существовало особое учение меча, требующее соблюдения строгой чистоты — Искусство девственника. У тех, кто постигал его, на внутренней стороне запястья проступала алая отметинка, похожая на девичью родинку целомудрия. Это было сокровенной тайной клана, о которой не ведал никто, кроме личных учеников главы.

«Откуда ему известно об Искусстве девственника? И с чего он взял, что я его практиковал?» — испуганно подумал Цинь Чжэн. Неужто слухи о его невинности тоже пошли гулять по трактирам Поднебесной, превратившись в грязные похабные байки?

Чувствуя себя так, словно его насильно раздевают для осмотра, Цинь Чжэн попытался высвободить руку, но Вэнь Тинъюнь держал запястье железной хваткой.

Ему стало неловко, и он пробормотал смущенно:

— Брат Вэнь, с чего вдруг такой интерес к рукам обычного побирушки? Оставь, я сегодня еще даже не мылся, только одежду тебе запачкаю.

На самом деле Цинь Чжэн не боялся разоблачения. Перед тем как его сбросили с обрыва за горой, он собственноручно вырезал ту алую метку вместе с кожей и плотью.

Вэнь Тинъюнь уставился на уродливый, грубо затянувшийся рубец на его коже. Его лицо искажилось.

— Где метка?! — глухо выдохнул он.

Цинь Чжэн скрывать не стал:

— Нет больше.

То ли Цинь Чжэну показалось, то ли у Вэнь Тинъюня на мгновение действительно потемнело в глазах. Сдерживая подступающую ярость, тот процедил сквозь зубы:

— Как это случилось?

Цинь Чжэн ответил как можно непринужденнее:

— Мы ведь оба мужчины, к чему лишние вопросы? Родинка целомудрия исчезает, когда... Ну, в общем, пропала она, и всё тут.

Вэнь Тинъюнь резко дернул его на себя — лишенный внутренней силы Цинь Чжэн покачнулся и едва не уткнулся ему в грудь.

— Ты сам ее вырезал, верно? — с трудом сдерживая гнев, спросил Вэнь Тинъюнь.

Цинь Чжэн уставился на мыски своих поношенных туфель:

— А? Ну... допустим.

Глядя на его безучастный вид, Вэнь Тинъюнь едва не взорвался от злости:

— Цинь Чжэн! Ты взял на себя чужой грех и так отчаянно пытаешься убедить всех в своей вине, что готов был вырезать собственную плоть? Боялся, что кто-то усомнится в твоей причастности?!

Цинь Чжэн поднял взгляд, упрямо глядя на него:

— Ни за кого я не заступался! И ничего я не брал на себя!

Он попытался отстраниться, но Вэнь Тинъюнь стоял слишком близко и был куда выше ростом. Тогда Цинь Чжэн оставил тщетные попытки вырваться и заговорил холодно и спокойно:

— Это сделал я, и сомневаться тут не в чем. Да и кто ты вообще такой, чтобы являться сюда и устраивать допросы? Разве мы близки? Зачем тебе восстанавливать справедливость ради меня? Да и нет никакой справедливости, я — тот самый окаянный Цинь Чжэн, и никто иной! Даже если мы встречались когда-то в прошлом, люди меняются. И я изменился.

Вэнь Тинъюнь горько усмехнулся.

«Люди меняются... — пронеслось в его голове. — Изменился настолько, что теперь, стоя перед ним, кажется совершенно чужим человеком».

Но Цинь Чжэн, которого знал Вэнь Тинъюнь, всегда был вольным, благородным и отважным юношей. Он шел по жизни с легким сердцем, ничто не могло сковать его волю, и если уж он считал какое-то дело правым, то стоял за него до самого конца.

Что же за «правое дело» заставило его добровольно очернить себя, лишиться всякой надежды на спасение и обречь на верную гибель?

Вэнь Тинъюнь пристально поглядел ему в глаза и глухо спросил:

— Какая тайна вынудила тебя пойти на это? Неужели всё ради того, чтобы вернуть долг за воспитание Вэй Бинциню?

Цинь Чжэн уклонился от ответа:

— Брат Вэнь, ты, должно быть, забыл, что у меня больше нет внутренней силы. Ты слишком крепко меня держишь. Мне больно.

При этих словах Вэнь Тинъюнь вздрогнул и торопливо разжал пальцы. Снова взглянув на рубец, он негромко произнес:

— Рана глубокая, еще бы немного — и задело бы кость. Скоро я велю лекарю осмотреть твою руку.

Видя, что Вэнь Тинъюнь отступился, Цинь Чжэн тоже немного успокоился. Возвращаться к опасным расспросам ему не хотелось, и он поспешил перевести разговор:

— Благодарю. Уж не знаю, в какой из прошлых жизней я совершил благое деяние, раз судьба свела меня с тобой. Твоя забота сейчас для меня — великое утешение.

Вэнь Тинъюнь лишь коротко отозвался и, увлекая за собой, усадил Цинь Чжэна за стол. Руку его он так и не отпустил, но теперь его прикосновение было мягким. Это спокойствие передалось и Цинь Чжэну — он почему-то больше не пытался высвободиться. Так они и сидели в тишине.

Спустя некоторое время Вэнь Тинъюнь негромко спросил:

— Пришелся ли тебе по вкусу ужин?

«Пришелся по вкусу» — было слишком слабо сказано. О таком пиршестве бродяжка Цинь Чжэн не смел и мечтать.

Он благодарно улыбнулся:

— Это было невероятно вкусно! Спасибо тебе за старания, брат Вэнь.

Вэнь Тинъюнь, не поднимая глаз, промолвил:

— Что ж, теперь тебе пора смыть с себя дорожную пыль.

Разговор о купании застал Цинь Чжэна врасплох. Он растерянно моргнул, не понимая, к чему эта внезапная перемена темы.

Вэнь Тинъюнь пододвинул к нему небольшую пиалу:

— Осуши эту чашу с целебным вином, и я открою тебе, кто я такой на самом деле.

Цинь Чжэн только этого и ждал. Обрадовавшись, он без колебаний поднес пиалу к губам и выпил целебное снадобье до капли. Но едва успел опустить чашу, как перед глазами все поплыло, сознание померкло, и он без чувств повалился на стол.

Вэнь Тинъюнь бережно подхватил его голову и устроил у себя на коленях, стараясь, чтобы спящему было удобно. Затем негромко позвал в сторону закрытой двери:

— Позовите Су Даня.

Створки тут же распахнулись, и в комнату, заложив руки за спину, вошел пожилой мужчина. Несмотря на почтенный возраст, белизну волос и бороды, старец держался прямо и величаво, а во взоре его сквозила суровость — сразу было видно, что нрав у него не из легких.

Увидев спящего на коленях Вэнь Тинъюня юношу, старик удивился, но приличия соблюсти не забыл. Он опустился на колени и почтительно поклонился:

— Су Дань приветствует Хозяина долины.

Вэнь Тинъюнь выглядел озабоченным:

— Я усыпил его снадобьем. Подойди и осмотри его как можно скорее.

Су Дань привычным движением извлек из-за пазухи тонкую шелковую нить алого цвета, ловко обвязал ее вокруг запястья Цинь Чжэна и принялся чутко вслушиваться в биение пульса сквозь натяжение нити. Время шло, а старик все не отпускал шелк, хмурясь сильнее с каждым мгновением.

Вэнь Тинъюнь спросил с нескрываемой тревогой:

— Ну что там?

Су Дань покачал головой:

— Твое чутье тебя не подвело. Ему осталось жить от силы три года. Затем неминуемо наступит смерть.

Вэнь Тинъюнь помрачнел:

— Исключено. Проверь еще раз.

Старик вздохнул, подергал нить, прислушался снова и вынес суровый приговор:

— Смерть. Без сомнений.

Вэнь Тинъюнь с болью посмотрел на него. С нескрываемой нежностью глядя на безмятежное лицо спящего Цинь Чжэна, он заговорил гораздо тише:

— Что еще терзает его изнутри, помимо яда Тридцатидневного Жасмина? Я ощущаю слабые, едва уловимые отголоски чуждой ауры в его теле. Они то появляются, то исчезают. Здесь кроется какая-то тайна.

Су Дань задумчиво перебирал пальцами шелковую нить. Спустя долгое молчание он произнес:

— В поднебесном мире существует лишь одно средство, способное сдерживать натиск Тридцатидневного Жасмина. Слыхал ли ты когда-нибудь о Порошке Короля Трупов?

Вэнь Тинъюнь изумленно посмотрел:

— Но разве это не твое собственное...

— Да, этот яд сотворил я, — кивнул Су Дань, чье лицо выражало крайнее недоумение. — Но в том-то и странность. Я создал его лишь для того, чтобы держать в узде обитателей нашей долины и гарантировать их верность. К тому же я так и не пустил его в ход и никому не

проговорился ни словом. С того самого дня, как зелье было сварено, оно хранилось за семью печатями и никогда не видело дневного света... Впрочем, одна давняя история все же приходит мне на ум.

Су Дань на секунду замолчал, потирая лоб, а затем продолжил:

— Лет двадцать с лишним назад другие Хозяева долин пожаловали в Долину Беззаботности, дабы почтить меня в день моего рождения. В знак... кхм... признательности я поднес супруге Седьмого господина некоторые дары, в которые тайно подмешал щепотку Порошка Короля Трупов. Увы, яд так и не успел подействовать: вскоре Седьмой господин вместе с женой безвременно сгинули за пределами долины.

Су Дань рассказывал о своих коварных кознях с абсолютным хладнокровием, ничуть не стыдясь содеянного. Вэнь Тинъюнь одарил его ледяным взглядом:

— Вы делили власть над долинами, а ты исподтишка травил его близких. Благодарю судьбу, что он погиб от чужих рук за пределами наших земель. Случись это здесь — дожил бы ты до нынешних седин?

Су Дань помрачнел, и он огрызнулся:

— Я тебе не чета! В воинском искусстве мне с ними не тягаться, так что приходилось защищать свою шкуру тем, что умею лучше всего. Или ты думаешь, они сами не мечтали от меня избавиться? Если бы Третий и Пятый господа не нуждались в моих снадобьях и тайно не оберегали меня, Долину Беззаботности давно стерли бы в порошок! И не видать бы тебе тогда места Хозяина долины как своих ушей!

— Наследство? — безучастно обронил Вэнь Тинъюнь. — А у тебя разве оставался иной выбор, кроме как передать власть над долиной мне?

Су Дань мгновенно поумерил пыл и закивал:

— Да, да, все так. Ныне никто во всей Поднебесной не смеет чинить препятствия Долине Беззаботности лишь потому, что все трепещут перед грозным именем Девятого господина.

— Хватит пустых речей, — отрезал Вэнь Тинъюнь. — Порошок Короля Трупов сдерживает Тридцатидневный Жасмин, но со временем оба яда пропитают его плоть и кровь до самых костей. Тогда спасти его не удастся ни за что. Он принял отраву всего три месяца назад. Ты обязан найти способ исцелить его.

Старик нерешительно прищурился:

— А если... если мне это не под силу?

Вэнь Тинъюнь мягко, почти ласково улыбнулся, но от этой улыбки веяло могильным холодом:

— Не сможешь — что ж, тогда мне придется примерить на себя славу отцеубийцы и расправиться с собственным учителем. Все равно меня боится каждый встречный, да и слухи о том, что я сплю и вижу, как бы лишить тебя жизни, ходят давно. Почему бы не порадовать почтенную публику и не воплотить их в жизнь?

Су Дань прекрасно понимал, что этот безумец не шутит. Он отлично помнил, каким наставником был для него в детстве — истязал и мучил ребенка изо дня в день. То, что Вэнь Тинъюнь вырос рассудительным и не лишился ума, свидетельствовало лишь о его железной воле и феноменальной живучести. Старик испуганно сглотнул и поспешно закивал:

— Хорошо, хорошо, я обязательно что-нибудь придумаю! Но позволь узнать напоследок...

Вэнь Тинъюнь поморщился от нетерпения:

— Говори.

Су Дань покосился на спящего Цинь Чжэна. Он заметил, как пальцы Вэнь Тинъюня неосознанно, бережно поправляют растрепанную прядь на лбу юноши. В этом жесте сквозила странная, пугающая нежность. Старик кашлянул:

— Этот юнец отравлен редчайшим ядом, его внутренние каналы полностью разрушены. Он явно перешел дорогу кому-то очень могущественному. Все эти праведные мужи из великих кланов только и делают, что плетут интриги за чужими спинами. Зачем тебе лезть в чужую грязь и навлекать на себя беду? Из-за чего ты так отчаянно бьешься за его жизнь?

Вэнь Тинъюнь посмотрел с теплотой, и он тихо, словно погрузившись в давние воспоминания, прошептал:

— Помнишь, в детстве я рассказывал тебе, что не сам пришел к Утёсу Обрыва Воды?

— Это он спас меня тогда. И, исполняя предсмертную волю моих родителей, своими руками привел меня в учение и сделал твоим учеником.